

УДК 929(092)

Е.И.НЕСТЕРОВА

Китайский торговый дом «Шуанхэшэн» (Владивосток–Харбин, конец XIX–первая половина XX в.)

Рассматриваются история образования во Владивостоке китайского торгового дома «Шуанхэшэн», а также жизнь и деятельность Чжан Тингэ, одного из создателей национальной промышленности на северо-востоке Китая.

Ключевые слова: Дальний Восток, китайская торговля, китайские мигранты, Чжан Тингэ, «Шуанхэшэн».

Chinese firm “Shuanghesheng” (Vladivostok–Kharbin, end of the 19th–early 20th century). E.I.NESTEROVA (Russian State University for the Humanities, Moscow).

The article narrates about Zhang Tingge’s biography, who was one of the founder of national industry in the North-East China, also the article describes history of establishing the Chinese firm Shuanghesheng in Vladivostok.

Key words: Far East, Chinese trade, Chinese migrants, Zhang Tingge, “Shuanghesheng”.

Начало 50-х годов XX в. в Китае – время небывалых перемен. Идет коренная ломка привычного уклада, устоявшихся форм жизни – рождается новое государство. В это бурное время на северо-востоке Китая, в Харбине, произошло два на первый взгляд ничем не примечательных события. В январе 1954 г. сгорела крупнейшая мельница, принадлежавшая компании «Шуанхэшэн», а в феврале умер ее хозяин – семидесятидевятилетний Чжан Тингэ. В свое время господин Чжан был крупным предпринимателем, миллионером, председателем торгового общества, мэром Харбина. А начиналась его блестящая карьера в конце XIX в. в городе соседней с Китаем России – Владивостоке.

Чжан Тингэ родился 4 октября 1875 г. в шаньдунской деревне Жулан, в небогатой крестьянской семье. С 8 лет начал заниматься в деревенской школе, но вскоре из-за смерти отца ему пришлось оставить учебу и пойти работать. В 1896 г. вместе с несколькими молодыми односельчанами Чжан покинул деревню и отправился на поиски работы, которые в конце концов привели его во Владивосток. Он очутился в чужом городе без денег и без поддержки. Позже стал работать в овощном магазине помощником продавца [23, р. 69]. Начало его карьеры мало отличалось от того, как она складывалась у тысяч китайцев, которые в конце XIX в. отправились искать счастье в разные уголки земного шара. В течение трех лет Чжан работал на этом месте, не только постигая принципы и секреты коммерции, но изучая разговорный русский язык – его знание значительно облегчало продажу товаров. Сейчас трудно установить, учил ли он русский самостоятельно, в процессе ежедневного общения, или брал частные уроки, что было достаточно распространено среди китайских коммерсантов. Г.Т.Муров, запечатлевший в своих воспоминаниях Владивосток 1897 г., сообщал, что китайские купцы, приказчики, ремесленники, которые хотели

НЕСТЕРОВА Елена Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры (Российский государственный гуманитарный университет, Москва). E-mail: Blb2@mail.ru

Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № 02.740.11.0347 «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири, XIX–начало XXI в.».

научиться русской грамоте, нанимали для этого писарей и фельдшеров, выплачивая им в месяц от 5 до 15 руб. Сам Гавриил Тимофеевич Муров одно время жил такими уроками, получая ежемесячно по 10 руб. за 15 уроков [15, с. 17, 18].

Вскоре коммерческая деятельность свела Чжан Тингэ с Хао Шэнтаном, управляющим магазином «Шуанхэшэн», успевшим к тому времени уже поработать кули на рудниках в Сибири. Хао оказался почти что земляком Чжана – они родились в одной провинции и в одном уезде. Хао, приехавший во Владивосток намного раньше, начинал свою карьеру примерно так же, как и Чжан Тингэ, – был торговцем вразнос и получал товары в уличной лавке [23, р. 70]. И так, с помощью торговли люди, не имевшие ни гроша, сколотили миллионные состояния.

Особенности организации китайской торговли анализировались неоднократно [6, 7, 19]. Обычно исследователи обращают внимание на широкое развитие кооперации (участие всех служащих в прибыли предприятия), кредитование крупными фирмами мелких, стремление максимально быстро обернуть капитал, низкие накладные расходы. Однако есть нюанс, мимо которого обычно проходят. Он сводится к ответу на вопрос: почему китайские мигранты, вчерашние крестьяне, становятся успешными не только в традиционной для них сельскохозяйственной деятельности, но легко вписываются в городскую среду, находя себе здесь нишу и успешно конкурируя как с русскими, так и с европейскими купцами, предпринимателями. Так происходит везде в мире, где появляются китайские мигранты. М.Фридман отмечал: «Большинство людей, покинувших юго-восточный Китай в XIX столетии, чтобы составить благосостояние за границей, были крестьянами или ремесленниками. В Юго-Восточной Азии многие из них занялись бизнесом, многие стали очень богатыми». Коммерсанты среди эмигрантов встречались редко, понятно, что общий экономический успех китайцев за границей не был результатом накопленного опыта ведения бизнеса на родине. Фридман пишет: «Процветание многих эмигрантов первого поколения опиралось на их трудолюбие. Крестьянин-китаец вошел в поговорки как труженик» [24, р. 22]. Автор констатирует, что привычка китайского эмигранта к регулярной и длительной работе базировалась на дисциплине, выработанной дома.

Но способность и желание китайца упорно трудиться, предполагает Фридман, не единственные причины появления значительных состояний. «Они накопили богатство, потому что по сравнению с людьми, среди которых им предстояло жить, они были опытны (искушены) в обращении с деньгами. Они знали не только, как работать самим, но также и как заставить работать их деньги» [24, р. 22]. Китайский крестьянин не хранил деньги под подушкой – если появлялись лишние, он отдавал их в рост. Когда же появлялось более-менее значительное состояние, его вкладывали в покупку земли, которая давала, хоть и меньшую, но более стабильную прибыль, обеспечивая при этом высокий социальный статус. Достигнув определенного уровня процветания, человек мог вложить деньги в образование и подняться по социальной лестнице. Но даже очень маленькие денежные суммы могли принести плоды, поэтому существовал постоянный стимул вкладывать деньги в кредитование. Значительная часть нуждающихся в кредите обращалась к владельцам земли, ростовщикам и торговцам, но ради маленького займа крестьянин мог обратиться к такому же крестьянину; человек с небольшим (временным) излишком денег мог ссудить его родственникам или соседям, которые в данный момент в этом нуждались. В подтверждение своих рассуждений Фридман ссылается на наблюдения английского миссионера Д.Макгована: «Кредиторы в Китае не являются отдельным классом, как, например, в Англии, но здесь дает деньги в рост всякий, у кого они есть. Служанка, скопившая один доллар, уже ищет, кому бы отдать его в рост. Кули, у которого на руках три доллара, пускает их в оборот, отдавая под залог своему приятелю. Можно сказать, что все жители Китайской империи находятся в непрерывном взаимном долгу» [24, р. 23]. Это наблюдение подтверждается и воспоминаниями Е.С.Бурачека, столкнувшегося с подобной практикой китайцев на Дальнем Востоке России. Расспрашивая о китаеце, жившем недалеко от

Владивосток, Светланская, 9 – магазин «Сонхошин» (Старый Владивосток: фотоальбом. Владивосток: Утро России, 1992)

Славянской бухты, он выяснил, что «Денег у него много и он не знает, куда девать их. “Отчего не отдает их в купеческий дом?” – спросил я. “Оттого, что здесь больших богатых купеческих домов нет, а в Пекин посылать нельзя, потому что он убежал оттуда”» [4, с. 49]. Далее Бурачек сообщает, что по всему Китаю кроме государственных кредитных бумажных знаков ходят векселя китайских торговых лавок. «Китайские торговые дома всегда принимали вклады за 6%. Китайцы вообще не любят держать у себя на дому звонкой монеты и, чуть накопится излишек, сейчас же отдают их в купеческий дом и берут векселя. Только ими и поддерживается торговля Китая. Векселя некоторых торговых домов Пекина, Тяньцзиня и Шанхая ходят по всему Китаю. Этот внутренний кредит весьма замечателен, но, к сожалению, до сих пор остается тайною для Европы» [4, с. 49, 50]. И так, первая составляющая успеха – привычка к кредитным операциям. Рассуждая далее о том, как функционировала китайская «практическая школа обращения с деньгами», Фридман рассматривает такие организации, как ассоциации ссуды денег, широко распространенные в Китае. Он замечает, что на первый взгляд такие объединения похожи на простые взаимные клубы кредита, требующие минимум экономических знаний. Но при более детальном изучении обнаруживается, что они давали предпринимательские, организаторские и финансовые навыки [24]. Таким образом, китайского крестьянина, ремесленника отличало «активное» отношение к деньгам плюс наличие социальных институтов, посредством которых можно было заставить «работать», правда не без некоторого риска, практически любую сумму денег. По всей видимости, подобная практика, умноженная на китайское трудолюбие и неприхотливость, была основой для конкурентоспособной борьбы этого торгового меньшинства.

Но вернемся к Хао Шэнтану, которому к 1889 г. вместе с односельчанином Фан Лайюнем удалось открыть магазин «Шуанхэшэн»¹. В связи с тем, что поначалу дела шли

¹ По данным Г.Н.Романовой, оптово-розничный магазин имела фирма «Шуанхэшэн», созданная в 1888 г. с капиталом около 500 тыс. руб. [18, с. 145].

Так выглядит здание бывшего магазина «Сонхошин» сегодня

не очень хорошо, Фан Лайонь продал свою долю в компании и открыл собственное дело. Хао же нашел новых партнеров, ими стали два его земляка, Ли Мэнлин и Ду Шанчжи. В этот период Хао Шэнтан подружился с еще одним земляком – Чжан Тингэ. Вскоре их, выходцев из одного уезда, связали и деловые отношения. Примерно в 1898 г. Чжан Тингэ оставил работу в овощном магазине «Фучансин» и по приглашению Хао Шэнтана перешел в магазин «Шуанхэшэн» [23, р. 70]. В новой компании Чжан пользовался доверием Хао и занимал высокое положение. Хао часто интересовался его мнением относительно целесообразности проведения крупных торговых операций. Многие важные сделки были заключены в результате переговоров, лично проведенных Чжан Тингэ. В относительно короткий период благодаря способностям к русскому языку, деловой хватке и проницательности, приобретенной за годы изучения коммерции, Чжану удалось провернуть много успешных сделок. Через некоторое время Хао Шэнтан помог ему занять пост заместителя управляющего компанией и вручил всю полноту власти по ведению бизнеса. Благодаря действиям Чжан Тингэ дела компании «Шуанхэшэн» пошли в гору.

Первоначально основным местом деятельности компании был Владивосток, в котором помимо гражданского населения находился значительный военный контингент. Накануне Русско-японской войны гарнизон крепости Владивосток насчитывал около 9 тыс. чел.² Очень многие русские и иностранные предприниматели за короткий срок сколачивали состояние на поставках в армию. По этому пути пошел и китайский купец Чжан, использовавший всю свою изобретательность для заключения контрактов на поставку в русскую армию вещей повседневного обихода. Это приносило огромную прибыль.

Поворотным моментом в истории становления компании «Шуанхэшэн» стала Русско-японская война. По данным Такако Уэда, еще перед войной, получив информацию об ухудшении русско-японских отношений, Чжан Тингэ закупил крупные партии ходового

² Гарнизон крепости за 1,5 года войны увеличился в 5,5 раза (с 9 тыс. до 55 тыс. чел.). Тогда в регион прибыло более 31 тыс. офицеров, врачей, чиновников, священников, почти 1,26 млн нижних чинов [16, с. 28].

товара. С началом войны цены на него взлетели, и вскоре компания «Шуанхэшэн» стала крупнейшим предприятием во Владивостоке [26]. После окончания войны «Шуанхэшэн» арендовала землю в коммерческом центре Владивостока и построила новые здания. Был расширен и ассортимент товаров – «Шуанхэшэн» превратилась в крупнейший торговый дом, с которым в городе мало кто мог сравниться.

Итак, после Русско-японской войны Чжан Тингэ становится одним из крупнейших предпринимателей Владивостока. Это подтверждается как биографическими сведениями Чжан Тингэ, так и воспоминаниями Сунь Чжаодуаня, прожившего в начале XX в. около семи лет на российском Дальнем Востоке и отмечавшего, что «в торговом мире Владивостока выделялись три наиболее крупные китайские фирмы, именовавшиеся “три большие компании”»: “Гуанюаньшэн”, во главе которой стояли выходцы из уезда Есянь (управляющий Чжан Вэньхань), компания “Шуанхэшэн” (управляющий Чжан Фэнтин), отделившаяся от харбинской компании, и компания “Итай” (менеджер Цзяо Вэнь)», далее он отмечал, что «влияние их было очень большим. Они занимались [самыми разными товарами] – от шелка до сушеных креветок и соды, ничего не исключая. Они почти целиком контролировали все течение экономической жизни во Владивостоке» [21, с. 148].

Но ни во владивостокской рекламной продукции начала века, ни в адрес-календарях упоминаний о фирме «Шуанхэшэн» нет. Исследователям, занимающимся историей китайской диаспоры на Дальнем Востоке России и пользующимся документами отечественного делопроизводства, постоянно приходится сталкиваться с некорректным транскрибированием китайских имен, искажающим их так, что порой невозможна идентификация тех или иных исторических персонажей. Есть основания предполагать, что и название компании «Шуанхэшэн» постигла та же участь. В торгово-промышленных указателях и адрес-календарях начала XX в. можно насчитать более 20 стабильно работавших во Владивостоке китайских магазинов, информация о которых публиковалась из года в год. Среди них два заведения, «Итай» и «Сонхошин», отмечены как торговые дома.

Е.Г.Молчанова сообщает, что среди самых крупных китайских фирм выделялись «Сонхо-шин», «Тун-ли Гуаньхайцяо», «Итай», «Хунь-шин-фу», «Юн-хо-зан». Универсальной торговлей занимались: компания «Сонхо-шин» с капиталом (на декабрь 1907 г.) около 1 млн руб., образованная в 1865 г. в Шанхае фирма «Тун-ли Гуаньхайцяо» (торговала в Кантоне, Шанхае, Гонконге, Новокиевке, а с 1876 г. – во Владивостоке), «Итай», обладавшая капиталом свыше 500 тыс. руб. (вела бизнес во Владивостоке, Мукдене, Чифу) [14]. Логично было бы предположить, что в приведенном списке за названием «Сонхошин» скрывается созвучное «Шуанхэшэн». Попробуем проверить. Открываем «Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю» за 1909 г. Так и есть: «ТД Сонхошин, Светланская, 9. Владелец Чжан-тин-го, доверенный Хо-шин-тан» [1, с. 91]. Проверяем в «Путеводителе по Владивостоку и промыслам Приморской области, Камчатки и Сахалина»: «ТД Сонхошин (Светланская, 9; Китайская, 9). Бакалейные и колониальные товары и прочая и прочая, Владелец – Чжан-тин-го, Доверенный – Хо-шин-тан» [3, с. 107]. Из того же «Адрес-календаря...» И.С.Кларка видно, что фирма открыла в Харбине (на углу улиц Новгородской и Базарной) магазин по продаже оптовой мануфактуры [1, с. 197]. Кроме Владивостока и Харбина эта компания вела торговые операции и в Благовещенске. К 1911 г. география ее деятельности расширилась. ТД «Сонхошин» помимо представительств и магазинов во Владивостоке, Харбине, Благовещенске осуществляет торговые операции в Шанхае, Осаке, Ханькоу. Главный магазин и контора по-прежнему располагаются во Владивостоке, в собственном доме на центральной улице города [20, с. III-37, 53, 195, 255; XXVIII]. Остается невыясненным вопрос: почему в воспоминаниях Сунь Чжаодуаня в качестве главы фирмы назван некий Чжан Фэнтин. Ответ прост. Чжан Тингэ, как и другие китайцы, имел не одно имя – его второе имя Чжан Фэнтин [23, р. 69]. Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что за названием «Сонхошин» скрывается «Шуанхэшэн».

Итак, заняв одно из ведущих мест в китайском бизнесе Владивостока, принадлежащий к местной китайской финансовой элите Чжан Тингэ сделал стремительную карьеру во Владивостокском китайском коммерческом обществе. В 1909 г. его избирают членом комитета, являвшегося исполнительным органом общества (согласно уставу в комитет избирались уважаемые обществом китайцы старше 25 лет, имевшие торговое дело или недвижимость). В 1911 г. он занимает должность помощника распорядителя, а в 1912 г. становится председателем Владивостокского китайского коммерческого общества, насчитывавшего 602 чел. Отметим, что к кандидатуре председателя предъявлялись высокие требования: помимо имущественного и возрастного цензов, особо оговаривалось владение китайским и русским литературными языками. Фирма «Сонхошин» вступает и в купеческое общество в Харбине, где с 1909 г. ее интересы представлял Ха-мо-сян. С начала 10-х годов XX в. интерес руководства компании «Шуанхэшэн» к ведению бизнеса в Китае повышается.

Конец XIX–начало XX в. – время значительных перемен в Китае как в области экономики, так и в сфере политического устройства. Во второй половине XIX в. Китай начинает создавать свое крупное промышленное производство. Однако китайский торгово-ростовщический капитал традиционно не был ориентирован на промышленность, основные сферы его интересов – торговля, ростовщичество, недвижимость. Чрезвычайно важной составляющей первоначального накопления был ввоз капитала, другой особенностью являлось тесное взаимодействие иностранного и китайского капиталов (3/5 иностранных фирм функционировали при активном участии последнего).

К концу XIX в. в структуре первоначального накопления важное место занял капитал хуацяо³. Первоначально переводы хуацяо родственникам шли в качестве материальной помощи, инвестировались в экономику посредством налоговых сборов или общественных пожертвований. Но в конце XIX в. началось прямое инвестирование этого капитала в частную фабрично-заводскую промышленность. Так, первая в Китае частная шелкопрядельная фабрика была открыта в 1872 г. гуандунцем Чэнь Циюанем, вернувшимся из Бирмы. Несмотря на то что запрет на реэмиграцию был окончательно снят только в начале XX в., уже в последней четверти XIX в. этот процесс набирает силу [8, с. 186–189]. В январе 1901 г. Цыси от имени императора издает эдикт о реформах – начинается «новая политика», в рамках которой проводится курс «на поощрение промышленности и торговли». В результате, если к концу XIX в. в Китае было 156 крупных национальных предприятий современного типа, то в 1911 г. их число достигло 521 [8, с. 201, 204].

В 1912 г. Чжан Тингэ решает резко изменить свою судьбу. Посоветовавшись с Хао Шэнтаном и другими компаньонами, он стал постепенно переводить все имущество «Шуанхэшэн» в Китай для разворачивания бизнеса там. В 1919 г. деятельность компании во Владивостоке была полностью завершена. В Китае фирма «Шуанхэшэн» первоначально вложила свой капитал в две достаточно рентабельные отрасли – пивоварение и мукомольную промышленность. В 1914 г. Чжан купил в юго-западном пригороде Пекина швейцарский завод по производству пива и безалкогольных напитков, получивший название «Усин» («Пять звезд»). Пекинский завод пива и безалкогольных напитков «Шуанхэшэн». Это был первый концерн, основанный кампанией «Шуанхэшэн» в Китае, и первое в истории Китая пивное производство с китайским национальным капиталом (которое существует до сих пор, производя популярную в Китае марку пива)⁴.

Пионерами в создании крупной мукомольной промышленности в Маньчжурии были российские предприниматели. Первая мельница европейского типа – Первого мукомоль-

³ Выходцы из Китая, проживающие в других странах. К ним относятся как граждане КНР, временно живущие за границей, так и потомки китайских эмигрантов, ставшие иностранными гражданами.

⁴ 18 августа 2000 г. Пекинская пивоваренная компания «Пять звезд» (北京五星啤酒公司) соединила капитал с крупнейшим производителем пива – образованной в 1903 г. «Циндауской пивоваренной компанией с ограниченной ответственностью» (青島啤酒公司), так была создана «Пекин пять звёзд. Циндауская пивоваренная компания с ограниченной ответственностью».

ного товарищества – появилась в Харбине еще в период постройки КВЖД, так как с увеличением числа русских жителей возник спрос на европейские сорта муки, которые не могли быть выработаны на китайских традиционных мельницах (мо-фан). Тогда же на средства дороги была построена вторая мельница, которую в 1902 г. передали частному Сунгарийскому мукомольному товариществу. Дальнейший подъем этой отрасли связан с Русско-японской войной: русской армии, дислоцированной на территории Маньчжурии, требовались все возрастающие объемы провианта, в частности муки. Ее доставка из России была затруднительна, поэтому снабжение взяла на себя местная промышленность. С окончанием войны спрос стал падать, в результате часть предприятий закрыли, другие поменяли хозяев. Но кризис сравнительно быстро был преодолен благодаря появлению нового рынка сбыта. Таковым стала южная Маньчжурия. В 1908–1913 гг. мукомольная промышленность севера Маньчжурии вновь на подъеме, это наглядно иллюстрируют цифры. Если в 1908 г. здесь действовало 15 больших мельниц, то к 1913 г. – 19 (12 в Харбине и 7 на линии КВЖД). Новая война, Первая мировая, стала для мукомольной промышленности золотым веком, открывшим для маньчжурской муки новый рынок – сибирский. С 1913 по 1920 г. общее количество перевезенной по КВЖД муки увеличилось более чем в 4,6 раза, а экспорт вырос в 13 раз [9, с. 355]. Цены на этот продукт росли, возникали новые мукомольные предприятия.

Именно в такой момент компания «Шуанхэшэн» решила занять свою нишу в мукомольном бизнесе. В 1915 г. у русского подданного Г.Б.Дризина была куплена основанная в 1903 г. паровая мельница «Восток» (новые владельцы переименовали ее в Харбинскую мельницу компании «Шуанхэшэн»), а в 1916 г. – мельница, ранее принадлежавшая компании «Яншэн»⁵. Два новых предприятия компании «Шуанхэшэн» работали день и ночь, но все равно не могли производить требуемое количество муки. Огромные ее партии отправлялись через Транссибирскую магистраль в Европу, и компания получала баснословные прибыли. После войны ситуация на мукомольном рынке несколько ухудшилась, особенно сложным был 1923 г.: собрали плохой урожай пшеницы в Маньчжурии, к тому же прекратился свободный вывоз муки на территорию советского Дальнего Востока. Тем не менее в начале 30-х годов XX в. торговому дому «Шуанхэшэн» принадлежали три крупные мельницы – две в Харбине и одна в Шуанченпу. В сутки они производили 17 500 пудов, т.е. около 8% северо-маньчжурской муки [12].

В 1916 г. центральный офис компании «Шуанхэшэн» прочно обосновался в Харбине. За эти годы Чжан вырос до генерального управляющего и местом своей постоянной резиденции избрал Харбин. Хао Шэнтан поселился в Пекине и стал заниматься делами завода по производству пива и безалкогольных напитков.

После окончания Первой мировой войны Чжан купил завод по выжимке масла в районе Сяньфан в Харбине. В 1920 г. он купил 43 000 м² земли на берегу р. Сунгари в восточном пригороде Харбина, основав там самый большой в Китае механизированный кожевенный завод. В 1924 г. компания «Шуанхэшэн» вложила 210 000 харбинских долларов в основание Фэнтяньской навигационной компании. В 1925 г. «Шуанхэшэн», ставшая крупнейшей национальной компанией с уставным капиталом 1 900 000 юаней (830 000 внес Хао Шэнтан, 700 000 – Чжан Тингэ, 370 000 юаней – акционеры), была официально зарегистрирована и стала называться «Компания “Шуанхэшэн”». Ее генеральным управляющим стал Чжан Тингэ [22].

К началу 1930-х годов Чжан Тингэ имел крупнейший в Маньчжурии кожевенный завод, маслобойню, большой универсальный магазин в Харбине, банкирскую контору, значительные участки земли в провинции Хэйлунцзян, мельницы в Сахаляне и Шуанчэнпу. Он скупал и перепродавал хлеб и вкладывал средства в самые разные предприятия [17, с. 228]. Чжан Тингэ привлекали не только традиционные сферы бизнеса. Обладавший

⁵ В 1915–1916 гг. во всем Китае только 15 мукомольных предприятий принадлежало китайцам [10, с. 158].

развитой интуицией, он одним из первых китайских бизнесменов в Маньчжурии рискнул вложить деньги в постройку кинотеатра. Первый кинотеатр в Харбине, вмещавший всего 100 чел., открыл в 1905 г. П.В.Кобцев⁶ [13, с. 177]. В конце 1930-х годов в Китае действовало около 300 кинотеатров, которые могли вместить чуть менее 100 000 зрителей. Кино становилось все более популярным развлечением не только у европейцев, но и у китайцев. В 1938 г. в районе Даовай, населенном преимущественно китайцами, Чжан Тингэ открыл кинотеатр «Цигуан» [25, р. 153].

С улучшением бизнеса укреплялись и позиции Чжан Тингэ в харбинском обществе. В 1918 г. он был избран членом Харбинского городского совета, а в 1925 г. – главой Харбинского коммерческого общества, на этом посту он оставался более 20 лет. В этот же период Чжан Тингэ занимал и другие должности: в 1926 г. стал главой объединенного торгового общества Особого района восточных провинций и руководителем Харбинского городского комитета самоуправления.

Вопрос о деятельности Чжан Тингэ в период существования Маньчжоу-Го требует специального изучения. Известно, что в 1931 г. он тайно передавал значительные суммы Ма Чжаньшаню, генералу гоминьдановской Северо-Восточной армии, оказывавшему вооруженное сопротивление продвижению японских оккупантов в провинции Хэйлунцзян. Через Красный Крест Чжан анонимно помогал нуждающимся. Однако, когда власть японцев окончательно утвердилась, он не только сохранил пост главы Харбинского коммерческого общества, но и получил несколько новых должностей – руководителя Харбинского отделения инновационного комитета Маньчжоу-Го, члена азиатской секции Восточно-Азиатского консультативного комитета. Датские исследователи С.Клаузен и С.Тогерсен указывают, что в сентябре 1945 г. командованием Красной армии Чжан Тингэ был назначен на должность мэра Харбина [23, р. 73]. В это же время он принимал участие в деятельности Харбинской политической консультативной конференции и являлся членом общества советско-китайской дружбы. Судя по мемуарам командующего I Краснознаменной армией генерал-полковника А.П.Белобородова, в момент прихода Красной армии Чжан Тингэ уже занимал пост мэра города. Белобородов так описал свои впечатления от знакомства и общения с ним: «Мэр города китаец Чжан Тинго был крупным спекулянтом, нажившим за годы японской оккупации миллионное состояние. Такими же темными дельцами являлись и его ближайшие помощники. Они встретили нас поклонами и угодливыми улыбками, но у них был свой расчет на будущее: советские войска сделали свое дело – разгромили японцев – и скоро уйдут на родину. А им, Чжану и его коллегам, надо удержать за собой “хлебные” места и одновременно оправдаться перед гоминьдановским правительством и его главой Чан Кайши. Ведь как ни крути, их долголетняя и верная служба японским оккупантам – это факт. Но жизнь переменчива, рассуждали эти прожженные дельцы. Теперь, когда Япония поставлена на колени, националистическое китайское правительство обязательно вернется к прежнему антисоветскому курсу. Значит, получить его прощение и даже поощрение можно, если развить соответствующую этому курсу деятельность. Надо, во-первых, показать миру, что сам приход Красной армии в Маньчжурию уже ознаменовался развалом экономики. И вот господин Чжан, засучив рукава, взялся за дело. Не знаю, конечно, в каком из пяти своих особняков пошептался он со сворой харбинских спекулянтов, знаю только, что стали поступать тревожные сигналы: запасы продовольствия в городе быстро тают, цены растут; фабрики, мастерские, коммунальные предприятия могут прекратить работу из-за нехватки топлива; медицинское обслуживание населения, и без того державшееся буквально на ниточке, на жалких грошах городского бюджета, может совсем прекратиться» [2, с. 182, 183]. Представители советского командования решили встретиться с руководством города и предупредить, что смотреть сквозь пальцы на творящиеся махинации никто не будет: «господин Чжан ... разводил руками, объяснял, что

⁶ Называется и другая дата открытия первого кинотеатра в Харбине – 1902 г. [5, с. 60].

в Харбине – капиталистическая экономика. Свободный рынок. Война прервала обычные торговые пути и связи. Это явление естественное. Отсюда и нехватка того-сего, отсюда и рост цен». Но Иван Михайлович Смоликов задал мэру вопрос: «Естественно ли, что продуктов и топлива не хватает, а на торговых складах, принадлежащих лично мэру города, хранится под замком изрядное количество “того-сего”?» Константин Яковлевич Остроглазов продолжил: «Не пояснит ли господин Чжан заодно, как и когда интендантское имущество маньчжурской армии и ее продовольственные запасы из складов на пристани перекочевали в склады господина мэра?» Лицо господина мэра вытянулось и несколько побледнело. Словом, трудности “свободного рынка” были решены в течение нескольких минут. И вопрос с военными запасами маньчжурской армии – также» [2, с. 182, 183]. Эта оценка неоднозначна и, вероятно, будет скорректирована после проведения необходимых исследований.

Согласно мемуарам коменданта Харбина генерал-лейтенанта К.П.Казакова [11], Чжан Тингэ занимал пост мэра до 1 января 1946 г. В конце декабря 1945 г. из столицы гоминьдановского Китая в Харбин прибыла правительственная делегация, а в ее составе и новый мэр города. 1 января 1946 г. на русском и китайском языках был подписан официальный «Акт передачи гражданской власти в гор. Харбине командованием Красной армии представителю национального правительства Китая», и Чжан Тингэ остался не у дел.

Русский Дальний Восток в конце XIX–начале XX в. резко выделялся на фоне различных окраинных территорий, входивших в состав огромной Российской империи. Соседство с многолюдной Цинской империей, ставшей впоследствии Китайской Республикой, уже тогда влияло на формирование рынка рабочей силы и системы коммуникаций в Дальневосточном регионе России. Под этим влиянием перераспределялись финансовые потоки, шедшие из центра, корректировались формы и методы предпринимательства, определялась рентабельность тех или иных отраслей промышленности и сельского хозяйства. По сути, при незавершенности колонизационных процессов на юге российского Дальнего Востока китайский фактор, выраженный латентно (самим фактом существования сильного соседа) либо явленный реально (тысячи китайский мигрантов, китайские кварталы в русских дальневосточных городах), существенно влиял на складывание форм российской жизни в этом регионе. Для того чтобы составить более адекватное представление о процессах, происходивших как в Северо-Восточном Китае, так и на российском Дальнем Востоке, нам представляется, что необходимо изучение тех акторов (государственных учреждений, торговых фирм, местных политических, финансовых, промышленных элит), которые принимали активное участие в политической, экономической, культурной жизни сопредельных стран.

Ведь при внимательном изучении этих «действующих лиц» (с привлечением и русского, и китайского исторического материала) малозначащие, казалось бы, факты часто предстают в совершенно другом свете. Так, неприметный китайский чиновник, занявший в 1906 г. должность коммерческого агента во Владивостоке, оказывался родным братом личного секретаря Юань Шикая, скромные китайские магазины, открывавшиеся на российском Дальнем Востоке, зачастую являлись филиалами крупных китайских компаний, а возникшие на российском Дальнем Востоке китайские торговые дома впоследствии становились лидерами национальной экономики. По нашему мнению, без учета подобных фактов представления об историческом прошлом сопредельных регионов будут неполными.

Автор благодарит К.М.Тертицкого, А.В.Усову, И.В.Чуднову за помощь в поиске материалов на китайском языке и работе с ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Вып. 5 / сост. И.С.Кларк. Владивосток, 1909. (Пагинация раздельная).
2. Белобородов А.П. Прорыв на Харбин. М.: Военное изд-во МО СССР, 1982. 207 с.
3. Богданов Д. Путеводитель по Владивостоку и промыслам Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток: Изд-во Д.Богданова и Н.Дробинского, 1909. 354 с.
4. Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток: О-во изучения Амурского края, 1999. 242 с.
5. Город Харбин. Владивосток: Дальнаука, 1995. 97 с.
6. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Тр. Амур. экспедиции. Вып. 11. СПб., 1912. 489 с.
7. Даттан А.В. Исторический очерк развития приамурской торговли. М.: Тип. Т.Н.Гаген, 1897. 127 с.
8. Дацышен В.Г. Новая история Китая. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. 346 с.
9. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. 423 с.
10. История экономического развития Китая 1840–1948 гг. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 380 с.
11. Казаков К.П. Огневой вал наступления. М.: Воениздат, 1986. 318 с. – http://militera.lib.ru/memo/russian/kazakov_kp/21.html.
12. Любимов Л.И. Мукомольная промышленность Северной Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. 1933. № 10/11. С. 30-47.
13. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с.
14. Молчанова Е.Г. Из истории китайской торговли на Дальнем Востоке России во второй половине 19–начале 20 в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. Т. 6. С. 223-224.
15. Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска. Путевой дневник. Томск: Паровая типолитография П.И.Макушина, 1901. 161 с.
16. Павлов Ю.А. Русская армия на Дальнем Востоке (1884–1905 гг.): геополитический аспект // IV Гродековские чтения. Ч. 1. Хабаровск: Хабар. краевой краевед. музей им. Н.И.Гродекова, 2004. С. 26-30.
17. Патрушева М.А., Сухачева Г.А. Экономическое развитие Маньчжурии. М.: Наука, 1985. 295 с.
18. Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец–начало XX в.) // Россия и АТР. 2009. № 3. С. 142-151.
19. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец 19–начало 20 в.). Омск: Омский гос. ун-т, 1999. 264 с.
20. Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю / сост. И.С.Кларк. Иркутск: Паровая типо-литография П.Макушина и В.Посохина, 1911. (Пагинация раздельная).
21. Сунь Чжаодуань. Мэй Ланьфан шаонянь шици цзай Хайшэнвай дэ яньчу = Выступления молодого Мэй Ланьфана во Владивостоке // Ши бэй цюй вэньши цзыляо. Т. 1. Циндао, 1989. Кит. яз.
22. Чжумин айго шиецзя Чжан Тингэ = Известный патриот предприниматель Чжан Тингэ. – <http://www.sdmuseum.com/museum/Kid?req=showNews&id=587>. Кит. яз.
23. Clausen S., Thogersen S. The Making of a Chinese City: History and Historiography in Harbin. N.Y.: M.E.Sharpe; L.: Armonk, 1995. 236 p.
24. Freedman M. The Study of Chinese Society. Taipei: SMC Publishing inc., 1994. 492 p.
25. Lahusen Th.Dr. Fu Manchu in Harbin: Cinema and Moviegoers of the 1930s // The South Atlantic Quarterly. Vol. 99, N 1. P. 143-161.
26. Ueda Takako. The Change of Chinese migration in Northeast Asia 1860–1945 // XIV International Economic History Congress. Helsinki, 2006. – <http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers2/Ueda>